

Карл Густав
ЮНГ

Архетипы
и коллективное
бессознательное

PHILOSOPHY

(PHILOSOPHY)

Карл Густав
ЮНГ

Архетипы
и коллективное
бессознательное

I

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО¹

¹ [Впервые очерк опубликован в 1934 г. в журнале *Eranos-Jahrbuch*. В переработанном виде вошел в сборник *Von den Wurzeln des Bewusstseins* (Цюрих, 1954).]

Архетипы коллективного бессознательного

¹ Гипотеза о коллективном бессознательном принадлежит к классу тех научных идей, которые поначалу кажутся странными, но быстро превращаются в хорошо известные и привычные концепции. Именно это произошло с понятием бессознательного в целом. Так, философская идея бессознательного, преимущественно сформулированная Карусом и фон Гартманом, сперва бесследно исчезла, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, а затем вновь появилась, но уже в области медицинской психологии.

² Изначально предполагалось, что содержание бессознательного включает лишь вытесненные или забытые элементы. Даже у Фрейда, который рассматривает бессознательное — по крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, оно, по сути, остается не чем иным, как скоплением забытых и вытесненных содержания, что и обуславливает его функциональную значимость. С этой точки зрения бессознательное носит исключительно личный характер¹, хотя даже Фрейд признавал наличие в нем архаических и мифологических мыслеформ.

¹ В более поздних работах Фрейд разграничивает инстинктивную составляющую психики «ид» и коллективное сознание «супер-эго», в рамках которого индивидуальное носит частично сознательный и частично бессознательный характер (так как подавляется).

³ Более или менее поверхностный слой бессознательно-го, несомненно, является личным. Я называю его *личным бессознательным*. Однако личное бессознательное покоится на другом, более глубинном слое, который формируется отнюдь не из личного опыта. Этот врожденный глубинный слой я называю *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективный», ибо эта часть бессознательного имеет не индивидуальную, а всеобщую природу; в противоположность личной составляющей психики, она включает содержания и модели поведения, которые встречаются повсюду и у всех индивидов. Другими словами, коллективное бессознательное одинаково у всех людей, образуя тем самым универсальный психический субстрат сверхличной природы, который присутствует в каждом из нас.

⁴ О психической жизни человека можно судить лишь по тем ее элементам, которые способны *проникнуть в сознание*. Следовательно, мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой можем продемонстрировать его содержание. Содержание личного бессознательного главным образом составляют так называемые *эмоционально окрашенные комплексы*, образующие личную и интимную стороны психической жизни. Содержание коллективного бессознательного, напротив, представлено так называемыми *архетипами*.

⁵ Термин «архетип» встречается уже у Филона Александрийского¹ в контексте *Imago Dei* (образа Божьего) в человеке. Также его можно обнаружить у Ириней Лионского: «...мироздатель сотворил их не от самого себя, но заимствовал из чужих первообразов»². В *Corpus Hermeticum*³ Бог представлен как *τὸ ἀρχέτυπον φῶς* (архетипический свет). Понятие архетипа несколько раз встречается у Дио-

¹ *De opificio mundi*, I, § 69. [Перевод на рус. яз. см.: Филон Александрийский. *О сотворении мира согласно Моисею*. — Примеч. пер.]

² *Adversus haereses*, кн. II, гл. 7, абз. 5: «Mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed de alienis archetypis transtulit». [Перевод на рус. яз. см.: Ириней Лионский. *Против ересей*. — Примеч. пер.]

³ Scott, *Hermetica*, I, стр. 140.

нисия Ареопагита, например в его сочинении «De caelesti hierarchia» (II, 4; «нематериальные архетипы»¹) и в сочинении «De divinis nominibus» (I, 6; «архетипический камень»²). Хотя Блаженный Августин само слово «архетип» не употребляет, в своем трактате «*De diversis quaestionibus LXXXIII*» он говорит об *ideae principales*, которые представляют собой «некие первичные формы или замыслы вещей... сами не получившие форму... и заключены они в Божественном разумении»³. «Архетип» — объяснительная парафраза платоновского *εἶδος*. Для наших целей использование термина «архетип» в высшей степени уместно и целесообразно: он подразумевает, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем в виду древнейшие или, лучше сказать, первозданные элементы этого содержания, то есть универсальные образы, существующие с незапамятных времен. К содержанию бессознательного равно применим и термин «*représen-tations collectives*» (*фр.* — «коллективные представления»), предложенный Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном представлении о мире и подразумевающий практически то же самое. Примитивные родоплеменные знания тесно связаны с архетипами, видоизмененными особым образом. Это уже не элементы бессознательного; они превратились в осознаваемые формулы, которые по традиции передаются в виде тайных учений. Последние представляют

¹ Migne, *P.G.*, vol. 3, col. 144.

² Там же, col. 595. См.: *The Divine Names* (пер. Rolt), стр. 62, 72.

³ Migne, *P.L.*, vol. 40, col. 30. В аналогичном смысле термин «архетип» использовался алхимиками, например в «Tractatus aureus» Гермеса Трисмегиста (*Theatrum chemicum*, IV, 1613, стр. 718): «Как Бог [хранит] все сокровища своего божественного разума... в себе как в сокровенном архетипе [*in se tanquam archetypo absconditum*]... так и Сатурн скрывает в себе подобия металлических тел». В «Tractatus de igne et sale» Вигенеруса (*Theatr. chem.*, VI, 1661, стр. 3) говорится, что мир «*ad archetypi sui similitudinem factus*» (сотворен по подобию своего архетипа), а потому называется «*magnus homo*» («*homo maximus*» Сведенборга).

собой типичное средство выражения коллективных со-
держаний, берущих начало в бессознательном.

⁶ Другим распространенным выражением архетипов являются мифы и сказки. Впрочем, и здесь мы имеем дело со специфическими формами, которые передавались от поколения к поколению достаточно длительный период времени. Таким образом, термин «архетип» применим к «*représentations collectives*» лишь косвенно, ибо обозначает только те элементы психического содержания, которые еще не подверглись какой-либо сознательной обработке и, следовательно, представляют собой непосредственную психическую данность. В этом смысле архетип как таковой существенно отличается от формул, возникших в ходе исторического развития. В частности, на высших уровнях тайных учений форма, в которой предстают архетипы, свидетельствует о решающем влиянии их сознательной переработки. Непосредственные манифестации архетипов, с которыми мы сталкиваемся в сновидениях и видениях, более индивидуальны, менее понятны и более наивны, чем, например, в мифах. Это происходит потому, что архетип — а именно бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия, — приобретает особый оттенок под влиянием того индивидуального сознания, в котором возникает¹.

⁷ Если формальное значение слова «архетип» явственно проступает в его связях с мифом, тайным учением, сказкой, то установить, что такое архетип с *психологической* точки зрения, гораздо сложнее. До сих пор мифологи опирались на солярные, лунарные, метеорологические и другие подобные представления. При этом никто не обращал внимания на то, что мифы — это прежде всего психические явления, обнажающие естество нашей души. Первобытный человек не склонен к объективному опи-

¹ Необходимо различать «архетип» и «архетипические идеи». Архетип как таковой представляет собой гипотетическую, недоступную представлению модель, схожую с «паттерном поведения» в биологии. См.: *О природе психе*, разд. 7.

санию очевидного, однако испытывает настоятельную потребность — точнее, его бессознательному свойственно непреодолимое стремление — уподобить весь внешний опыт внутренним, психическим событиям. Ему недостаточно просто видеть, как встает и заходит солнце, — эти внешние наблюдения должны стать психическими событиями, то есть движение солнца должно представлять судьбу бога или героя, обитающего, по сути, в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, такие как лето и зима, фазы луны, сезоны дождей и так далее, есть не столько аллегория¹ объективных явлений, сколько символические выражения внутренней бессознательной драмы, доступной человеческому сознанию через проекцию, то есть отражение в явлениях природы. Такая проекция носит столь фундаментальный характер, что потребовалось несколько тысяч лет, чтобы хоть как-то отделить ее от внешнего объекта. Так, астрологию, эту древнейшую «scientia intuitiva», объявили лженаукой, ибо ее сторонники ставили психологическое описание характера в зависимость от звезд. Этот предрассудок жив и по сей день. Тем не менее каждый, кто способен исчислить гороскоп, должен знать, что со времен Гиппарха Александрийского точкой весеннего равноденствия считается 0° Овна. Следовательно, знаки зодиака, на которых основывается любой гороскоп, весьма произвольны, поскольку с тех пор эта точка сместилась в силу прецессии к началу Рыб.

8 Учитывая поразительную субъективность первобытного человека, нам давным-давно следовало догадаться, что мифы относятся к сфере психического. Его знания природы по сути представляют собой язык и внешние проявления бессознательного психического процесса. Именно в силу этой бессознательности при толковании мифов человек обращался к чему угодно, но только не к психи-

¹ Аллегория — перефразирование осознаваемого содержания; символ — наилучшее возможное выражение неосознаваемого содержания, о природе которого можно только догадываться, ибо оно еще не известно.

ческому. Он просто не знал, что психика содержит в себе все те образы, которые дали начало мифам, и что наше бессознательное является одновременно действующим и претерпевающим действия субъектом, внутреннюю драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в природных явлениях — как больших, так и малых¹.

⁹ «В твоей груди, и только в ней, заключены все звезды твоей судьбы»², — говорит Илло Валленштейну. Пожалуй, это изречение могло бы удовлетворить всех астрологов, если бы мы хоть немного знали о тайнах сердца. К несчастью, до сих пор наши знания этого предмета были крайне ограничены. Я даже не решусь утверждать, что сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону.

¹⁰ Родоплеменные знания всегда священны и опасны. Все тайные учения стремятся постичь невидимые психические события, и все они претендуют на высший авторитет. Еще в большей степени это справедливо по отношению к господствующим мировым религиям. Они содержат изначально сокровенное знание и представляют тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания провозглашают в образе и слове освященную древностью доктрину, делая ее таким образом доступной каждому верующему сердцу, каждому чуткому глазу, каждому, даже самому дальнему, уголку человеческого разума. На самом деле мы вынуждены признать, что чем прекраснее, величественнее, полнее этот передаваемый традицией образ, тем дальше он от индивидуальных переживаний. Мы можем лишь ощупью найти путь к нему, что-то почувствовать, но изначальный опыт давно утрачен.

¹¹ Почему психология является самой молодой из эмпирических наук? Почему бессознательное не было уже

¹ См. мои очерки о божественном ребенке и Коре, включенные в настоящий том, а также сопутствующие эссе Кереньи в сборнике *Einführung in das Wesen der Mithologie*.

² [Шиллер Ф. Пикколомини. II, 6. — Здесь и далее приводятся примечания редактора к изданию на немецком языке.]

давно открыто, а его сокровищница вечных образов — поднята на поверхность? Именно потому, что для всего психического мы имели религиозную формулу, причем намного более стройную и всеохватывающую, нежели непосредственный опыт. Хотя для многих христианское видение мира поблекло, сокровищницы символов Востока по-прежнему полны чудес, которые еще долго смогут питать нашу страсть к зрелищам и новым нарядам. Кроме того, эти образы — будь они христианскими, буддистскими или еще какими-нибудь — красивы, таинственны, интуитивны. Конечно, чем привычнее они для нас, тем сильнее они стираются от постоянного употребления; в результате от них остается лишь банальная внешняя оболочка и почти лишенная смысла парадоксальность. Таинство Непорочного Зачатия, единсущность Отца и Сына или Троица, не являющаяся тем не менее простой триадой, больше не окрыляют фантазию философов. Они превратились в собственно предметы веры. Отсюда неудивительно, что верующий разум и философские измышления образованных европейцев тяготеют к восточной символике — поистине грандиозным индийским представлениям о божественном и безднам философии китайского даосизма. Точно так же сердце и разум античного человека были захвачены в свое время христианскими идеями. Сейчас немало европейцев, которые настолько поддались влиянию христианской символики, что у них не развился кьеркегоровский невроз, или которые, в силу обеднения символики, трансформировали свое отношение к Богу в отношение «Я — Ты», чтобы затем пасть жертвой магии и новизны восточных символов. Подобное отречение не обязательно означает поражение; скорее, оно доказывает восприимчивость и жизненность религиозного чувства. Нечто похожее мы наблюдаем у образованных представителей Востока, которых нередко привлекают христианские символы и столь чуждая восточному духу европейская наука. Многие даже демонстрируют их завидное понимание. Тяга к вечным образам абсолютно нормальна, для этого они и существу-

ют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, подавлять. Они сотканы из изначального откровения и отражают уникальный опыт божественного. Вот почему они наделяют человека предощущением божественного, одновременно оберегая от непосредственного его переживания. Благодаря усилиям, которые предпринимал человеческий дух на протяжении столетий, эти образы, с одной стороны, запечатлены во всеохватывающей системе мышления, стремящейся упорядочить окружающий мир, а с другой — представлены могущественным, обширным, авторитетным институтом под названием Церковь.

- ¹² Лучше всего я могу проиллюстрировать вышесказанное на примере недавно канонизированного швейцарского мистика и отшельника, брата Николая из Флюэ¹. Вероятно, его важнейшим переживанием было так называемое видение Святой Троицы, которое он изобразил — или попросил изобразить — на стене своей кельи. Рисунок (его до сих пор можно увидеть в приходской церкви Заксельна) представляет собой разделенную на шесть частей мандалу, в центре которой находится коронованный лик Божий. Сегодня известно, что брат Николай исследовал природу своего видения с помощью иллюстрированной брошюры какого-то немецкого мистика. Много лет он занимался тем, что старался придать своим переживаниям более или менее понятную форму. Я называю это «проработкой» символа. Размышления брата Николая о сущности видения, выраженное влияние на которые оказали мистические диаграммы, использованные им в качестве отправной точки, привели его к выводу, что он, должно быть, узрел саму Святую Троицу — *summit bonum*, вечную любовь. Такое истолкование подтверждает и «подчищенное» изображение, которое поныне можно увидеть в Заксельне.

- ¹³ Первоначальный опыт, однако, носил абсолютно иной характер. То, что увидел брат Николай, оказалось настолько ужасным, что его собственное лицо изменилось, причем столь сильно, что люди стали его бояться. Увиденное

¹ См. мой очерк «Brother Klaus».

им обладало невероятной интенсивностью. Вельфлин¹ — старейший источник, которым мы располагаем на сегодняшний день, — пишет:

Все приходившие к нему с первого взгляда преисполнялись жуткого страха. Сам он объяснял это тем, что видел пронизывающий свет, напоминающий человеческое лицо. Видение было столь устрашающим, что он боялся, как бы его сердце не разорвалось на части. Охваченный ужасом, он тут же отвернулся и упал. Вот почему отныне его собственное лицо стало страшно для других.

¹⁴ Это видение по праву сравнивали² с апокалипсическим образом Христа, описанным в Откровении Иоанна Богослова (1:13). По своей отвратительности и необычности его превосходит лишь чудовищный семиглазый агнец с семью рогами (там же, 5:6). Крайне трудно увидеть связь этой фигуры с евангельским Христом. По этой причине ранние источники толковали видение брата Николая строго определенным образом. В 1508 году гуманист Карл Бовиллус (Шарль де Бовель) писал своему другу: «Я хотел бы рассказать тебе о лике, который привиделся ему на небе в звездную ночь, когда он предавался молитве и созерцанию. Он увидел голову человека с ужасным лицом, полным гнева и угрозы»³.

¹⁵ Это истолкование вполне соответствует современному развернутому описанию на основе Откровения Иоанна Богослова 1:13⁴. Также не следует забывать и о других

¹ Генрих Вельфлин, также известный как *Lupulus*, родился в 1470 г. Гуманист, преподаватель латыни в Берне. Цит. по: Fritz Blanke, *Bruder Klaus von Flüe*, стр. 92 и далее.

² Там же, стр. 94.

³ *Ein gesichte Bruder Clausen ynn Schweytz und seine deutunge* (Wittenberg, 1528), стр. 5. Цит. по: Alban Stoeckli, O. M. Cap., *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*, стр. 34.

⁴ Б. Лаво (Lavaud, *Vie Profonde de Nicolas de Flue*) проводит аналогичную параллель с текстом из *Horologium sa Pientiae* Генриха Сузо, в котором апокалипсический Христос предстает в виде разгневанного мстителя, что резко контрастирует с Христом, читающим Нагорную проповедь. [См.: Сузо Г. *Книжица вечной премудрости*. — Примеч. пер.]

видениях брата Николая, например Христа в медвежьей шкуре; Бога Отца, Бога Сына и Богородицы (в данном случае в образе Сына был сам брат Николай) и т.п. Им всем присущи черты, крайне далекие от догматов христианства.

- ¹⁶ С вышеописанным видением традиционно связывали изображение Святой Троицы в заксельнской церкви, а также символ колеса в так называемом «Трактате паломника»¹. Брат Николай, как известно, показал рисунок колеса навестившему его паломнику. Очевидно, оно занимало его некоторое время. Бланке полагает, что, вопреки традиции, между видением и изображением Троицы нет никакой связи². На мой взгляд, подобный скептицизм заходит слишком далеко. Интерес брата Николая к колесу должен иметь основания. Подобные видения часто вызывают смятение и дезинтеграцию (сердце, «разрывающееся на части»). Опыт подсказывает нам, что защитный круг, мандала, является традиционным средством против хаотических состояний духа. Вполне понятно, почему брат Николай был очарован символом колеса. Истолкование ужасного видения как богооткровенного не должно быть также далеко от истины. Связь видения и изображения Троицы в Заксельне, а также связь их обоих с символом колеса, таким образом, кажется мне весьма вероятной, если исходить из психологических соображений.

- ¹⁷ Это видение было, несомненно, страшным и крайне волнительным. Оно прорвалось в религиозное мирозерцание брата Николая без всякой догматической подготовки и без экзегетического комментария. Разумеется, потребовалось длительное время для того, чтобы оно ассимилировалось — уложилось в общую структуру психики, и восстановилось нарушенное психическое равновесие. Брат Николай свылся с этим переживанием благодаря непререкаемым в то время христианским догматам,

¹ *Ein nützlicher und loblicher Tractat von Bruder Claus und einem Bilger* (1488).

² Blanke, стр. 95 и далее.

превратившим нечто ужасное и живое в прекрасную абстракцию идеи Троицы. Однако это примирение могло произойти на иной основе — основе, предусмотренной самим видением и его неестественной реальностью. Это могло привести к искажению христианских представлений о Боге и нанести еще больший вред самому брату Николаю, который в таком случае оказался бы не святым, а еретиком (если не психически больным) и, вероятно, закончил бы жизнь у позорного столба.

- ¹⁸ Данный пример свидетельствует о ценности догматического символа: он делает потрясающий, в высшей степени убедительный и важный психический опыт (так называемое «переживание Божественного») доступным нашему пониманию, при этом не только не искажая его сущности, но и не умаляя его чрезвычайной значимости. Видение гнева Божьего, которое мы также встречаем у Якоба Беме, плохо сочетается с новозаветным Богом — любящим Отцом Небесным, и по этой причине легко могло стать источником внутреннего конфликта. Это вполне бы соответствовало духу того времени — концу XV века, эпохи Николая Кузанского, чья формула «*complexio oppositorum*» фактически предвосхитила неизбежный церковный раскол. Вскоре после этого произошло возрождение яхвистического представления о Боге в протестантизме. Яхве — концепция Бога, содержащего противоположности в еще не разделенном состоянии.

- ¹⁹ Брат Николай сошел с проторенной колеи обычаев и привычек. Он оставил дом и семью, много лет жил в одиночестве. Он глубоко заглянул в темное зеркало и увидел в нем чудесный и страшный свет изначального опыта. В этой ситуации развивавшийся на протяжении многих веков догматический образ божественного сработал как спасительное лекарство. Он помог ему ассимилировать фатальное вторжение архетипического образа и тем самым избежать внутренних противоречий. Ангелусу Силезиусу повезло меньше: его мучил внутренний конфликт, ибо в его время гарантированный догматами авторитет церкви уже пошатнулся.

²⁰ Якоб Беме также говорит о Боге как об «Огне гнева», *Deus absconditus*. Ему удалось преодолеть глубинное и мучительное противоречие с помощью христианской формулы «Отец—Сын» и спекулятивно включить ее в свое гностическое (но в основных пунктах все же христианское) мировоззрение. Иначе он стал бы дуалистом. Кроме того, ему на помощь пришла алхимия, в которой уже давно подготавливался союз противоположностей. Тем не менее его мандала, отражающая природу божественного (приведена в трактате «Сорок вопросов о душе»¹), содержит отчетливые следы дуализма. Мандала поделена на темную и светлую полусферы, развернутые в противоположные стороны².

²¹ Догматы замещают коллективное бессознательное, формулируя его содержание в большом масштабе. В этом смысле католическому образу жизни абсолютно чужды психологические проблемы. Почти вся жизнь коллективного бессознательного регулируется догматическими архетипическими представлениями и протекает в жестких рамках символики веры и ритуала. Это проявляется в обращенности католической психики вовнутрь, ее замкнутости в духовном мире. Коллективное бессознательное, каким мы понимаем его сегодня, ранее никогда не принадлежало сфере «психологии», ибо до христианской церкви существовали античные мистерии, которые в свою очередь восходят к первобытному неолиту. У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, обеспечивающих магическую защиту от всех жутких вещей, которые таятся в глубинах нашей психики. Фигуры бессознательного всегда находили выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами психики космическое пространство.

²² Иконоклазм Реформации, однако, буквально пробил брешь в защитной стене священных образов; с тех пор они рушились один за другим. Они начали вызывать сомнения, ибо вступили в конфликт с пробужденным ра-

¹ Лондон, 1647.

² См. мой очерк «Об эмпирике процесса индивидуации» ниже.

зумом. К тому же люди давно забыли их истинный смысл. Впрочем, забыли ли? Может, мы вообще никогда не знали, что они означают? Может, человечество (во всяком случае та его часть, которая исповедует протестантизм) наконец осознало, что на самом деле мы не имеем ни малейшего представления о том, что следует понимать под Непорочным Зачатием, божественностью Христа или Святой Троицей? Кажется, будто эти образы просто жили; их существование принималось без сомнений и раздумий; люди относились к ним так же, как к украшению рождественской елки или крашеным пасхальным яйцам — совершенно не понимая, откуда эти обычаи взялись. Впрочем, мы никогда не задаемся вопросом об истинном значении архетипических образов именно потому, что эти образы полны смысла. Время от времени боги умирают — люди неожиданно обнаруживают, что они ничего не значат, что они созданы человеческой рукой, что они суть бесполезные идолы из дерева и камня. В действительности же человек вдруг понимает, что ранее совершенно не задумывался о них. Когда же он начинает о них думать, то прибегает к помощи так называемого «разума», который на деле представляет собой лишь совокупность его предрассудков и близоруких взглядов на мир.

²³ История протестантизма — это история хронического иконоклазма. Одна стена рушилась за другой. Разрушение давалось легко, особенно после того, как был подорван авторитет церкви. Мы все свидетели, как в большом и малом, в целом и в частностях он рушился кусочек за кусочком, пока наконец не наступила ужасающая символическая нищета, характеризующая современную жизнь. Вместе с тем ослабли и силы церкви: она превратилась в твердыню без бастионов и казематов, в дом с рухнувшими стенами, открытый всем ветрам и опасностям.

²⁴ Хотя это, строго говоря, весьма прискорбное крушение, оскорбляющее наше чувство истории, распад протестантизма почти на четыре сотни деноминаций является верным признаком внутреннего беспокойства. Протестант

вергнут в состояние незащитности, которое ужаснуло бы любого естественного человека. Его просвещенное сознание, разумеется, не желает ничего об этом знать и всюду ищет то, что утратило в Европе. Мы ищем действенные образы, мыслеформы, способные унять беспокойство сердца и разума, и находим сокровища Востока.

25 Само по себе это не вызывает опасений. Никто не при-
нуждал римлян импортировать азиатские культы оптом. Если христианство в самом деле было бы — как сейчас часто говорят — «чуждым» германским народам, они бы с легкостью его отбросили, чуть только поблек престиж римских легионов. Но христианство осталось, ибо отвечало имевшимся архетипическим образам. Спустя многие века оно превратилось в нечто такое, что немало удивило бы его основателя, будь он жив. Повод для исторических размышлений дает и христианство у негров и других темнокожих обращенных. Почему бы тогда Западу не ассимилировать восточные формы? Римляне, например, регулярно наведывались в Элевсин, Самотраки и Египет, где проходили местные обряды посвящения. Что касается Египта, то в этом отношении его можно считать подлинной колыбелью религиозного туризма.

26 Богов Эллады и Рима сгубила та же болезнь, что и наши христианские символы. Тогда, как и сегодня, люди обнаружили, что совсем не задумывались о своих богах. Чужие боги, напротив, обладали нерастраченной *маной*. Их имена были необычны и непонятны, а деяния темны, в отличие от хорошо известной *chronique scandaleuse* Олимпа. Азиатские символы были недоступны пониманию, а потому не казались банальными в отличие от собственных традиционных богов. В то время безоглядное принятие нового и отбрасывание старого не превратилось в проблему.

27 Является ли это проблемой сегодня? Сможем ли мы облечься, как в новое платье, в готовые символы, выросшие на чужой почве, пропитанные чужой кровью, воспетые на чужих языках, вскормленные чужим культом, сплетенные с чужой историей? Кому мы уподобимся:

нищему, нарядившемуся в королевское одеяние, или королю, переодевшемуся в нищего? Несомненно, это возможно. Или в нас есть что-то такое, что велит нам не устраивать маскарад, и, может быть, даже самим шить себе одежду?

28

Я убежден в том, что растущая скудость символов имеет свой смысл. Подобное развитие абсолютно логично. Теряется все то, о чем мы не задумываемся, и что тем самым лишено значимой связи с развивающимся сознанием. Тот, кто сегодня попытается, подобно теософам, прикрыть собственную наготу роскошными одеждами Востока, будет не верен своей истории. Человек не опускается до попрошайничества только затем, чтобы потом вырядиться в индийского царя. Мне кажется, лучше уж признать в собственной духовной нищете и утрате символов, нежели претендовать на владение богатствами, законными наследниками которых мы не являемся. Нам по праву принадлежит наследство христианской символики, только мы его каким-то образом растратили. Мы позволили рухнуть дому, который выстроили наши отцы, а теперь пытаемся проникнуть в восточные дворцы, о которых наши предки не имели ни малейшего представления. Тот, кто лишился исторических символов и не способен удовлетвориться суррогатами, оказывается сегодня в трудном положении: перед ним зияет пустота, от которой он в страхе отворачивается. Хуже того, вакуум заполняют абсурдные политические и социальные идеи, отличительной чертой которых является их духовная бедность. Если человек не может смириться с этим педантичным догматизмом, он вынужден всерьез задуматься о своем так называемом доверии к Богу. Впрочем, обычно страх, что все пойдет не так, осмелся он на это, оказывается сильнее. Подобный страх не лишен оснований — чем ближе Бог, тем большей кажется опасность. Опасно признаваться в собственной духовной бедности: кто беден, тот полон желаний, а судьба желающего в той или иной мере предопределена. Как гласит швейцарская пословица, «за каждым богачом стоит один дьявол, за бедняком — два».

²⁹ Подобно тому, как в христианстве обет мирской бедности отвращает разум от благ мира сего, духовная бедность подразумевает отречение от фальшивых богатств духа — не только от жалких остатков великого прошлого, именуемых сегодня «протестантской церковью», но и от всех соблазнов благоухающего Востока, чтобы в конце концов в холодном свете сознания мы могли узреть бесплодный мир во всем его убожестве.

³⁰ Эту нищету мы унаследовали от наших предков. Мне вспоминается подготовка к конфирмации, которой руководил мой отец. Катехизис навевал на меня невыразимую тоску. Однажды, перелистывая мою книжечку в надежде найти хоть что-то интересное, я наткнулся на параграфы о Святой Троице. Они заинтересовали меня, и я с нетерпением стал ждать, когда мы дойдем до этого раздела. Когда же долгожданный момент наступил, мой отец сказал: «Этот кусок мы пропустим, я тут сам ничего не понимаю». Так умерла моя последняя надежда. Хотя я восхитился честности моего отца, это не помешало мне с той поры смертельно скучать, слушая любые разговоры о религии.

³¹ Наш интеллект достиг немислимых высот, но наша духовная обитель рассыпалась в прах. Мы убедились, что даже с помощью новейшего и самого большого телескопа, который сейчас строят в Америке, человек не откроет за дальними туманностями сказочный эмпирей; мы знаем, что наш взгляд обречен блуждать в мертвой пустоте межзвездных пространств. Не станет нам лучше и тогда, когда математическая физика откроет мир бесконечно малого. В результате мы вновь обращаемся к мудрости всех времен и народов, но обнаруживаем, что все самое ценное для нас уже давно было высказано на самом прекрасном языке. Подобно жадным детям, мы тянем руки к этим сокровищам и верим, что если только нам удастся схватить их, они станут нашими. Но то, чем мы обладаем, уже утратило значимость; наши руки устают хватать, ибо сокровища всюду, насколько хватает глаз. Все эти богатства превращаются в воду; не один ученик чародея утонул в им самим вызванном потоке, если только

сперва не поддался спасительному заблуждению, будто *одна* мудрость хороша, а *другая* плоха. Из такого рода учеников получаются внушающие ужас инвалиды, которые искренне верят в собственную пророческую миссию. Это обусловлено тем, что искусственное разделение истинной и ложной мудрости ведет к напряжению в психике, из которого рождаются одиночество и тоска аналогичные тем, что свойственны морфинистам, мечтающим найти сотоварищей по пороку.

- ³² Когда принадлежащее нам по праву наследство растрачено, дух, как говорит Гераклит, спускается со своих огненных высот. Обретя тяжесть, он превращается в воду, а его тронном завладевает интеллект с его люциферовским самомнением. *Patris potestas* над душой — законное право духа, но никак не земнорожденного интеллекта, являющегося мечом или молотом в руках человека, но не творцом духовного мира, отцом души. По этой причине Людвиг Клагес¹ и Макс Шелер² придерживались весьма умеренных взглядов в своих попытках реабилитировать дух — оба мыслителя принадлежат к той эпохе, когда дух пребывает уже не вверху, в виде огня, а внизу, в виде воды.

- ³³ Таким образом, путь души, ищущей потерянного отца, — подобно Софии, ищущей Бездну, — ведет к воде, к темному зеркалу, лежащему на дне. Любой, кто избрал духовную бедность — подлинное наследие протестантизма, доведенного до своего логического завершения, — вступает на путь, ведущий к водам. Вода — не прием метафорической речи, но живой символ темной души. В качестве иллюстрации я приведу конкретный пример (и таких примеров множество).

- ³⁴ Некоему протестантскому теологу часто снился один и тот же сон: *он стоит на склоне горы, внизу лежит глубокая долина, а в ней темное озеро. Во сне он знает, что до этого момента что-то мешало ему спуститься к озеру. На этот раз он решает подойти к воде. Когда он приближа-*

¹ [См.: *Der Geist als Widersacher der Seele.*]

² [См., например: *Die Stellung des Menschen im Kosmos.* — *Примеч. ред.*]

ется к берегу, становится темно и жутко. Неожиданно поднимается ветер и по воде бежит мелкая рябь. Его охватывает панический страх, и он просыпается.

35 Этот сон содержит природную символику. Сновидец нисходит к собственным глубинам, и путь ведет его к таинственной воде, где свершается чудо, подобное чуду у купальни Вифезда: с небес спускается ангел и прикасается к воде, наделяя ее целительной силой. В нашем сновидении это ветер (пневма), дующий туда, куда пожелает. Спуск к воде — необходимое условие, без которого чуда не произойдет. Однако дух, проскользнувший над темной водой, вызывает страх, как и все то, причину чего мы не знаем, ибо причина эта кроется не в нас. Дух указывает на невидимое присутствие, на божество, которому ни наши ожидания, ни волевые усилия не даровали жизни. Дух живет без посторонней помощи, и дрожь охватывает человека, который до сей поры думал, будто «дух» есть лишь то, во что он верил, что сам создал, о чем написано в книгах или о чем говорят другие люди. Когда же дух является самопроизвольно, его принимают за призрак, и примитивный страх овладевает наивным умом. Точно так же описывали мне ночного бога старейшины племени элгоньи в Кении, называя его «творцом страха». «Он приходит к тебе, — говорили они, — точно холодный порыв ветра, и ты дрожишь, или он насвистывает в высокой траве». Таков африканский Пан: он бродит среди тростника в полуденный час, играет на своей флейте и пугает пастухов.

36 В сновидении выше дуновение пневмы испугало другого пастыря, подошедшего во мраке ночи к поросшему тростником берегу, к водам, лежащим в долине его психики. Да, этот некогда огненный дух спустился в царство природы, к деревьям, скалам и бездне психики, подобно старцу из «Заратустры» Ницше, который, устав от человечества, удалился в лес, дабы вместе с медведями рычать во славу Творца.

37 Если мы хотим поднять клад — драгоценное наследие отцов, нам ничего не остается, как последовать путем вод,

который всегда ведет вниз. В гностическом гимне душе¹ родители посылают сына искать жемчужину, которая выпала из короны короля. Она покоится на дне охраняемого драконом глубокого колодца в Египте — стране плотских наслаждений и пьянства, материальных и духовных благ. Юноша отправляется за жемчужиной, но, предавшись мирским утехам, забывает о своей задаче, о самом себе. Письмо отца напоминает ему, в чем состоит его долг. Он погружается в темные глубины колодца, находит жемчужину и в конце преподносит ее высшему божеству.

³⁸ Этот приписываемый Бардесану гимн принадлежит эпохе, которая во многом схожа с нашей. Человечество искало и ждало; именно рыба — «levatus de profundo» (поднятая из глубин)² — стала символом спасителя, несущего исцеление.

³⁹ Пока я писал эти строки, мне пришло письмо из Ванкувера, написанное незнакомым почерком. Мой адресант был озадачен своими сновидениями, в которых неизменно фигурировала вода: *«Почти все время мне снится вода: либо я принимаю ванну, либо засорилась уборная и вода течет через край, либо лопается труба, либо мой дом сдвинулся к краю воды, либо я вижу, как кто-то из знакомых тонет, либо я сам стараюсь выбраться из воды, либо я лежу в ванне, и она вот-вот переполнится»* и так далее.

⁴⁰ Вода является самым распространенным символом бессознательного. Озеро в долине — это лежащее ниже уровня сознания бессознательное. По этой причине его часто называют «подсознанием», обычно с негативным оттенком, подразумевая при этом неполноценное сознание. Вода есть «дух долины», водяной дракон Дао, природа которого подобна воде — *янь*, заключенному в *инь*. С психологической точки зрения, следовательно, вода означает дух, ставший бессознательным. Сновидение говорит теологу, что у воды он может испытать действие

¹ James, *Apocryphal New Testament*, стр. 411–415.

² Августин Аврелий. *Исповедь*. Кн. XIII, гл. XXI.

Содержание

I. Архетипы коллективного бессознательного	5
II. Концепция коллективного бессознательного	53
<i>a. Определение</i>	<i>55</i>
<i>b. Психологическое значение коллективного</i> <i>бессознательного</i>	<i>56</i>
<i>c. Метод доказательства</i>	<i>63</i>
<i>d. Пример.</i>	<i>65</i>
III. Об архетипах с особым вниманием к понятию анимы	69
IV. Психологические аспекты архетипа матери	93
1. О понятии архетипа	95
2. Архетип матери	101
3. Материнский комплекс	106
А. Материнский комплекс у сына	106
В. Материнский комплекс у дочери	109
<i>a. Гипертрофия материнского элемента</i>	<i>109</i>
<i>b. Чрезмерное развитие Эроса</i>	<i>110</i>
<i>c. Идентификация с матерью</i>	<i>111</i>
<i>d. Сопротивление матери</i>	<i>112</i>
С. Положительные аспекты материнского комплекса	114
<i>a. Мать</i>	<i>114</i>
<i>b. Чрезмерное развитие Эроса</i>	<i>117</i>
<i>c. «Только» дочь</i>	<i>120</i>
D. Негативный материнский комплекс	121
4. Заключение	123

V. О возрождении	135
1. Формы возрождения	137
α. Метемпсихоз	138
β. Реинкарнация	138
γ. Воскрешение (<i>resurrectio</i>)	139
δ. Возрождение (<i>renovatio</i>)	139
ε. Участие в процессе трансформации	140
2. Психология возрождения	140
А. Переживания трансцендентности жизни	142
α. Переживания, вызванные ритуалом	142
β. Непосредственные переживания	143
В. Субъективная трансформация	144
α. Сужение личности	144
β. Расширение личности	146
γ. Изменение внутренней структуры	148
δ. Идентификация с группой	152
ε. Идентификация с героем культа	155
ζ. Магические процедуры	156
η. Техническая трансформация	156
θ. Естественная трансформация (индивидуация)	158
3. Типичный ряд символов, иллюстрирующих процесс трансформации	163
VI. Психология архетипа ребенка	179
1. Введение	181
2. Психология архетипа ребенка	192
а. Архетип как связующее звено с прошлым	192
б. Функция архетипа	195
с. Будущность архетипа	197
д. Единство и множественность мотива ребенка	198
е. Ребенок-бог и ребенок-герой	199
3. Специальная феноменология архетипа ребенка	201
а. Покинутость ребенка	201
б. Непобедимость ребенка	204
с. Гермафродитизм ребенка	208
д. Ребенок как начало и конец	213
4. Заключение	215

VII. Психологические аспекты Коры	219
a. Случай X	231
b. Случай Y	236
c. Случай Z	242
VIII. Феноменология духа в сказках	247
Введение	249
a. О слове «дух»	250
b. Саморепрезентация духа в сновидениях	258
c. Дух в сказках	261
d. Териоморфная символика духа в сказках	275
e. Постскрипtum	289
f. Приложение	290
g. Заключение	301
IX. О психологии образа трикстера	305
X. Сознательное, бессознательное и индивидуация	329
XI. Об эмпирике процесса индивидуации	349
Картина 1	352
Картина 2	355
Картина 3	368
Картина 4	377
Картина 5	384
Картина 6	388
Картина 7	392
Картина 8	402
Картина 9	406
Картина 10	410
Картина 11	414
Картины 12–14	415
Заключение	418
XII. О символике мандалы	427
Приложение. Мандалы	465
Библиография	471

Научно-популярное издание

Юнг Карл Густав

**АРХЕТИПЫ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ**

Редактор *Е. Даньшина*

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*

Технический редактор *Т. Полонская*

ISBN 978-5-17-108753-1

9 785171 087531

WWW.AST.RU